

- Грек А. Г. Об анаграммах Рима в двух стихотворениях Вячеслава Иванова // *Fioretta Musicali. Материалы научной конференции в честь Инны А. Барсовой*. М.: Московская Консерватория, 2011. С. 242–251.
- Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М.: РИК «Культура», 1992.
- Ковтунова 2006 Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста // *Поэтическая грамматика*. Т. 1. М.: Азбуковник, 2006. С. 239–297.
- Ковтунова 2013 Ковтунова И. И. Соотношение и взаимодействие лексики и грамматики в структуре стиха // *Поэтическая грамматика*. Т. II. М.: Азбуковник, 2013. С. 7–28.
- Переписка Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. Т. 1, 2. М.: НЛО, 2009.
- Тарановский Тарановский К. О поэзии и поэтике. М.: ЯРК, 2000.
- Топоров Топоров В. Н. Об «этропическом» пространии поэзии (поэт и текст) // *Русская словесность*. Антология. М.: Academia, 1997. С. 213–226.
- Эткинд Эткинд Е. Вячеслав Иванов и вопросы поэтики (двадцатые годы) // Е. Эткинда. Там, внутри. О русской поэзии XX века. СПб.: Максима, 1997. С. 183–196.

А. Г. РОССЕТТИ И ВЯЧ. ИВАНОВ: К ИСТОЛКОВАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ «ЗЕРКАЛО ЭРОСА» И «ЛЮБОВЬ» ИЗ КНИГИ «КОРМЧИЕ ЗВЕЗДЫ»

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы влияния творчества английского поэта и художника А. Г. Россетти на поэзию Вяч. Иванова. В центре внимания — стихотворение Иванова «Зеркало Эроса» из книги «Кормчие Звезды», предваренное эпиграфом из сонета Россетти. Учитываются биографические факты «лондонского эпизода» жизни Иванова 1899–1900-х годов, его переписка с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, книги из его личной библиотеки, влияние философии В. С. Соловьева и значение прерафаэлитов для русского символизма. Рассматриваются общие для Россетти и Иванова источники формирования теории мистической любви: философия Платона и творчество Данте Алигьери. Анализируется мотив воссоединения душ в цикле сонетов Россетти «Ивовая роща» и в его сонете «Разделенные души». Показана трансформация этого мотива в стихотворении Иванова «Зеркало Эроса». Выказывается гипотеза, что сонет «Любовь» Иванова мог быть создан под влиянием поэзии Россетти. Учитывается интермедialная природа поэзии Иванова и Россетти.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Данте Габриэль Россетти, Данте Алигьери, английские прерафаэлиты, русский символизм, философия Платона, философская поэтика.

Abstract: The article is dedicated to the influence of the English poet and artist Dante Gabriel Rossetti on Vyach. Ivanov's poetry. Ivanov's poem "The Mirror of Eros" from the book "Pilot Stars" is at the centre of the article. Ivanov used an epigraph from Rossetti's sonnet and Rossetti's poems are considered the source for Vyach. Ivanov. The article also studies facts from Ivanov's biography and the "London episode" of his life in 1899–1900, his correspondence with L. D. Zinovieva-Anniabal, books from his private library, the influence of V. S. Soloviev's philosophy and the meaning of the Pre-Raphaelites for Russian Symbolism. The article describes common sources of the theory of mystic love for Dante Gabriel Rossetti and Vyach. Ivanov: Plato's philosophy and works by Dante Alighieri. The motif of the souls' reunion in the cycle of Rossetti's sonnets "Willowwood" and his sonnet "Severed Selves" are analysed in the article. This motif is studied in the poem of Vyach. Ivanov "The Mirror of Eros". A hypothesis is formed that Vyach. Ivanov's sonnet "Love" might have been created under the influence of Rossetti's poetry. The article also describes the intermedial nature of Vyach. Ivanov's and Rossetti's poetry.

Keywords: Vyach. Ivanov, Dante Gabriel Rossetti, Dante Alighieri, English Pre-Raphaelites, Russian Symbolism, Plato's philosophy, Soloviev's philosophy, motif of souls' reunion, motif of flying souls, intermedial poetics.

Влияние творчества английского поэта и художника-прерафаэлиты Данте Габриэля Россетти (1828–1882) на поэзию Вячеслава Иванова — малоизученная область компаративистики. Вместе с тем эта тема важна для исследования не только творчества Иванова, но и системы мотивов русского символизма. Большой интерес представляет мотив воссоединения (слияния) душ — *unio mystica* — в поэзии Россетти и в некоторых стихотворениях Иванова и прежде всего таком, как «Зеркало Эроса». Этот мотив в системе мифопоэтики символизма был выделен, например, в трудах А. Ханзена-Лёве, который отметил его ключевую роль в поэзии 1900-х годов в отличие от 1890-х (Ханзен-Лёве 1999, 382). Интертекстуальная составляющая этого мотива позволяет понять природу его трансформаций в поэзии Иванова.

Первая книга стихов Вяч. Иванова «Кормчие Звезды» (1903), вобравшая в себя стихотворения, создававшиеся в ранний период его жизни и творчества, характеризуются необычностью символических образов, взятых из различных культур и воплощающих метафизические идеи как некие «платоновские сущности». Именно здесь формируется и получает оригинальную трактовку один из наиболее важных для последующих книг лирики Иванова, например, таких, как «Сог Argens» (1911–1912), метафизический андрогинный мотив воссоединения и полета двух душ. Тема мистического единения с божественным имеет платоновско-соловьевские истоки и восходит к ставшим значимыми для Иванова мифам Платона об изначальной андрогинности человека и об Эросе, вобравшем в себя архетипические представления о воссоединении (диалог «Пир»). Она неотделима от мифа о бессмертии души, посреднике между земным и небесным мирами (диалог «Феар»), и христианизирована у Иванова¹. Как пишет А. Ханзен-Лёве, «выдвинутая Соловьевым теургическая идея “богочеловечества” восходит

¹ Вяч. Иванов писал: «Человек <...> должен сам найти свое другое, как точку опоры, — должен действовать любви и той веры, которая уже заключается в любви и ее обуславливает, обрести свое *ты еси*. Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он учится открывать на каждой новой ступени в любом все большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, — пока, в своем алкании безусловного бытия в другом существе, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюбленного, объемлющего, утверждающего и спасающего в себе все другие любви, и не причастится от Него истинному богосуществованию» (III, 248).

к герметически-гностическому представлению о соединении неба и земли, некой сизигий божественного и человеческого начал, персонализированной в образах Спасителя мужского и женского пола. Сама София есть воплощение принципа соединения, архетипа единства (*unio mystica*, “всеединство”)» (Ханзен-Лёве 2003, 221).

С мотивом воссоединения связана платоновско-дантовская космологическая традиция, отразившаяся в поэзии Иванова (о ее специфике уже писали исследователи (Davidson, Асолян, Устинова)), и платоновско-соловьевская мифология Эроса, смысл которой Иванов определял как преодоление смерти в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1910). Платоновско-соловьевская мифология способствовала формированию жизнотворческого мифа Иванова, в котором его жена — Л. Д. Зиновьева-Аннибал понималась как его мистическое андрогинное я. О роли биографического фактора в формировании мистической философии любви Иванова уже писали исследователи (Богомолов; Обатнин 2000), в том числе затрагивая проблему влияния Данте, Платона и Соловьева (Davidson; Шишкин 1996; Цимборска-Лебода 2004). Показательно признание Зиновьевой-Аннибал, сделанное в письме к Иванову от 21 июня 1896 года: «В нас одна душа, одна кровь течет» (Переписка I, 390).

Андрогинный мотив воссоединения и полета бесплотных душ возлюбленных встречается и в европейской, и в русской литературе. Стихотворение «Лунные розы» из книги Иванова «Кормчие Звезды» имеет эпиграф из баллады «Коринфская невеста» Гете: «Ach, die Erde kühlht die Liebe nicht!»² и может быть связано с традициями лирики Новалиса, которую переводил Иванов, и с балладой В. А. Жуковского «Эолова арфа». Соединение возлюбленных «за гробом» представлено в этом стихотворении Иванова образом двух бесплотных слявшихся теней: «И сплелись над пустынной могилой, / И скользят по серебристым росам — И, четой отдаваясь легкокрылой, / Понеслись к усыпленным лесам...» (I, 564). Этот образ встречается в «Божественной Комедии» Данте, где в первом круге Ада обречены блуждать тени Паоло и Франчески: «Поэт, я начал, “мысль моя невольна / Устремлена к чете,

² Ach! И земля не остужает любви (нем.) (I, 862).

парящей там, / С которой вихрь так мчится произвольно» (Даниэлю, 1897, 30).

Мотив воссоединения и полета душ возлюбленных в книге «Кормчие Звезды» воплощен в стихотворении «Зеркало Эроса» и в сонете «Любовь», которые глубоко связаны не только с традициями Данте, Гете, Новалиса и Жуковского, но и со стихотворением «Пламеники» из этой же книги внутренними перекличками. Эпиграфом к «Пламеникам» служат строки из одноименного романа Зиновьевой-Аннибал, который не был опубликован (Богомолов, 12–16). «Будет мир, подобный миру светлых духов, ликующих каждый своим отдельным ярым порывом. Ярою любовью ликуют они в красоте блистающих, горящих жизнью миров, — любовью к одному Солнцу, к одному Богу-началу; и в той любви сливаются одинокие порывы и возвращаются к началу — Богу, источнику любви. То — новый мир и новый круговорот любви, и тому я скажу — Да, и тем Да то будет» (I, 548).

Опубликованная переписка Иванова и Зиновьевой-Аннибал очень важна для понимания биографической основы создания ряда стихотворений из книги «Кормчие звезды», и прежде всего цикла «Thalassia», куда входит стихотворение «Пути Эроса». Некоторые стихотворения из этого цикла были созданы в знаменательный «лондонский» период жизни и творчества поэта (Переписка I, 653). Сонет «Любовь», по свидетельству биографов, был написан раньше, но не позднее 1898 года (Шишкин 2011). В Лондоне Иванов и Зиновьева-Аннибал жили в 1899–1900-х гг., как пишут исследователи «лондонского эпизода» их жизни, указывая на знакомство русского поэта в этот период с английской поэзией (Кружиков, 247–248, 253).

Россетти был главной фигурой английского прерафаэлитского Авижения, представленного творчеством Дж. Миллеса (1829–1896), У. Ханта (1827–1910), У. Морриса (1834–1896), Э. Бёрн-Джонса (1833–1898) и др. З. А. Венгерова дала анализ его живописи и поэзии как уникальному синтезу искусств, осуществленному на основе идеи мистической любви. Она писала о платонизме Россетти, который выражается в стремлении через земной образ передать высшую идею (Венгерова 1895, 214). Иванов был хорошо знаком с открытиями поэтов и художников-прерафаэлитов как одним из источников русского симво-

лизма. Показательно, что в статье «Две стихи в современном символизме» (1908), разрабатывая теорию символа и отмечая в поэзии символизма открытие высших состояний мистического сознания, он указал на прерафаэлитское братство, открывшее, по его мнению, «предчувствие нового откровения явной тайны о внутренней жизни мира» (II, 551). Иванов пишет, что «реализм, романтизм и прерафаэлитское братство — оба эти потока влились в жилы современного символизма и сделали его явлением гибридным, двуликим», то есть основанным на борьбе противоборствующих начал (I, 551–552). На рубеже веков большой интерес к живописи и поэзии прерафаэлитов испытывали многие современники Вяч. Иванова и прежде всего Н. Минский, В. Брюсов, З. Венгерова, А. Бенуа, С. Соловьев, А. Блок, Эллис, Андрей Белый, о чем писали исследователи (Жаткин; Титаренко 2011; Познанская). Благодаря публикациям З. А. Венгеровой о прерафаэлитках (Венгерова 1895; 1896; 1897; 1900), работам А. Бенуа, что уже было предметом рассмотрения (Проскуракова), уже в 1890-е годы в русском символизме возникает устойчивый интерес к прерафаэлитскому движению. Это явление отметил Брюсов, считавший прерафаэлитов одним из истоков символизма, а картину Россетти «Прозерпина» выражением идеала нового искусства (Брюсов, 270–271)³.

Сонеты Россетти вошли в его сборник «Ballads and Sonnets» (London, 1881). Мистическая история рукописи сборника была известна современникам Россетти: после смерти своей возлюбленной — поэтессы и художницы Элизабет Сиддал (1829–1862), которая была его Музой и моделью, он положил неизданные сонеты, посвященные ей, написанные в традициях «Новой жизни» Данте, в ее могилу. Впоследствии они были опубликованы. Их отличительная особенность — платонизм, создание особого типа символа, соединяющего в себе реальность земного и сущность божественного, развитие мистических тем любви и смерти, воплощение сновидческих состояний, как пишут исследователи (Hieffer; Соколова 1995). Россетти писал сонеты как развитие живописных тем и образов своих картин и наоборот: сонеты рождали идеи и образы полотен. Это было со-

³ М. М. Бахтин считал, что культура Возрождения преоделаась в творчестве Брюсова сквозь призму прерафаэлитских традиций (Бахтин, 318). Брюсов переводил стихотворения сестры А. Г. Россетти — Кристины Россетти.

знание новой визуальности в поэзии как результат «двойного зрения», принципа, восходящего к творчеству Данте Алигьери. Данте, как известно, был знаковой фигурой для Иванаова, существует ряд специальных работ, посвященных этой проблеме (Davidson; Асоян; Силард; Шикин 1996). Значение Россетти могло определяться тем, что живопись и поэзия английского художника были проводниками идей и образов Данте, как пишут исследователи (Ниеффер; Венгерова 1897, 23; Соколова 1994). На влияние Данте, проявившееся в поэзии и живописи Россетти, указывала в своих публикациях Венгерова. От Данте у него принцип припоминания, — пишет она, «как будто просветленная и примиренная душа с грустью вспоминает свои прежние страдания и освещает их познанным ею светом» (Венгерова 1897, 25). Дантовский слой его поэзии воспринимался ею как «возрожденное христианство», его стиль определялся как мистический реализм (Венгерова 1896, 124). Россетти переводил и иллюстрировал «Новую жизнь» Данте⁴ создавал иллюстрации и цикл картин по мотивам «Божественной Комедии» («Paolo and Francesca», «Francesca da Rimini») ⁵, а также написал ряд полотен на темы видений Данте, например, «Dantis Amor», «The Meeting of Dante and Beatrice in Paradise» и др.⁶ Под влиянием Данте написаны многие сонеты Россетти из его книги «Дом Жизни»⁷.

Исследователи уже указывали на прочтение Данте Ивановым и русскими символистами через философию В. С. Соловьева (Davidson, Полонский). В. В. Полонский, исследуя эту традицию, пишет: «Своим своеобразием русская рецепция наследия Данте на рубеже веков обязана в первую очередь опыту Вл. Соловьева. Его софиология не только стремилась адаптировать запечатленную в «Новой жизни» и «Комедии» мистическую эротологию в качестве своего метафорического языка, но и предопределила господствующий тип прочтения Данте следующим поколением русской художественной интеллигенции» (Полонский, 112). П. Дэвидсон, исследуя биографический контекст мистической

⁴ Известны его иллюстрации к «Новой Жизни» Данте, такие, как: «Boat of Love», «Dante's Dream», «Salutatio Beatricis», «Beata Beatrice». См. (Rossetti).

⁵ См. там же.

⁶ Об этом подробнее в кн.: Teuherz, Prettejohn, Becker, 156–161.

⁷ О дантовском цикле и его роли в судьбе Россетти писали его современники (Ниеффер, 16–19).

философии любви у Иванаова, пишет, что она сформировалась под влиянием Данте и Соловьева и стала фокусом преломления дониканской теории (Davidson, 100–110). В статье «О границах искусства», анализируя сонет из «Новой жизни» Данте, Иванов писал, что «нет сомнения в том, что Данте был и человек глубокой душевной жизни, и художник великий. <...> Не представляется ли собою описанный им экстаз одного из высочайших подъемов его духа в такую область сверхчувственного сознания, откуда человек не возвращается не обогащенный плодами этого подъема, который отмечает собой его остальную жизнь, как неизгладимое и решительное событие?» (I, 629).

В списке книг, принадлежащих Вяч. Иванову, имеется сборник А. Г. Россетти «Ballads and sonnets» (1881) (Обатнин 2002, 326)⁸. Этим сборником Иванов очень дорожил. «Сиюю сегодня, Радость Лиля, тихо-тихо дома с книжками: вот мой день. <...> Жаль, не со мной стихотворения D. G. Rossetti. Пришли», — писал он А. Д. Зиновьевой-Аннибал в письме от 26–28 января 1902 года из Афин (Переписка II, 184). Судя по тексту письма, стихотворения Россетти были хорошо знакомы поэту. Находим цитату из самого сокровенного цикла Россетти — «Ивовая роща» («Willowwood»), состоящего из четырех сонетов, в стихотворении Иванаова «Пути Эроса». Строки второго сонета Россетти выполняют функцию эпиграфа, в них воплощен мотив воссоединения двух душ: «While fast together, alive from the abyss / Clung the soul-wrung implacable close kiss» (D.-G. Rossetti) (I, 591). В переводе О. А. Шор читаем: «Доколь они были вместе, живые над бездной, уста их единились в исторгнутом из души, неумолимо-слитом лобзании» (I, 862). Как можно убедиться на основе сравнения приведенной выше цитаты из «Ада» «Божественной комедии» Данте, цикл сонетов Россетти основан на развертывании интертекста как порождающей модели.

Цикл «Ивовая роща» был хорошо известен современникам Иванаова. Уже в конце XIX века его неоднократно цитирует Венгерова (Венгерова 1895, 223; Венгерова 1897, 43–44). Она пишет: «Особенно красиво это странное сочетание искренней

⁸ Среди книг Вяч. Иванова есть также сочинения идеолога прерафаэлитского движения Дж. Рескина «Pre-Raphaelitism» (без даты) и «Morning in Florence» (1907) (Обатнин 2002, 326, 329).

печали и отраженного счастья в четырех сонетах, озаглавленных "Willowwood" (Ивовая роща)» (*Tam же*, 43). По ее мнению, основная тема сонетов — любовь, отражающая душу природы, и этим обусловлен сложный мистицизм образов. Ею сделан дословный пересказ сонетов: «Поэт сидит над озером, думая об умершей возлюбленной; он не решает взглянуть на ангела любви, сидящего рядом с ним, и встречает его тихий взор только в отражении волны, — тогда глаза ангела и ровный плеск воды кажутся ему глазами и голосом возлюбленной; он вновь соединен с ней силой их взаимной, не нарушенной смертью любви, он счастлив, глядя на ее мнимое отражение в озере. <...> прильнув к отражению лица возлюбленной, он пьет "ее дыхание, ее слезы, ее душу". С участием и благословением во взоре ангел любви склоняется низко над водой и осеняет своим ореолом соединенных на мгновение любящих» (*Venegerova 1897*, 43–44).

В первом сонете намечается тема зарождения любви, где поэт и Эрот склонились над ручьем — зеркалом любви. Их отражение в воде повторяется в глазах Эроса, приоткрывается тайна любовного союза. Во втором сонете в звуках песни Эроса поют души, брошенные в мрак, как тени: «And sing when the new birthday carries long. / That stood aloof, one form by every tree / All mournful forms, for each was I or she, / The shades of those our days that had no tongue» (*Rossetti*, 127)⁹. Этот второй сонет воплощает дантовский визуальный образ двух теней Паоло и Франчески, которые «во тьме друг к другу льнули нежно // Сомкнув уста, стена безнадежно»¹⁰. В цикле Россетти изложена не просто история запретной любви Паоло и Франчески, скорбные тени которых блуждают в Аду у Данте, а создана иллюзия странствий разделенных смертью душ двух возлюбленных. В заключительном сонете цикла английский поэт создает образ «уплывающей, в сумерки»

9 См.: И видел тени я между сплелений
Нагих дерев, у каждого — она,
И тени были: я или она, —
Тех наших дней, речь не обретших, тени (пер. В. Савина) (*Rossetti*, 126).

10 Перевод В. Савина (*Tam же*). Ср. с переводом Вламеса: «Пока превозмогая полный мрак, / Наш поцелуй надрывный не иссяк» (пер. Вламеса) (*Rossetti*, 543).

возлюбленной: «Себя не помня, я к воде приник / Там, где исчез ее прелестный лик / Ее душа и слезы и дыханье: / И надо мной — и слышал, как сквозь сон, — / Эрот, вздохнув, исторг печальный стон / И наши лица погрузил в сиянье» (*Rossetti*, 128; 130)¹¹. Поэтика зеркальности присуща поэзии Россетти, она осложнена темой соединения двух любящих высшим третьим (ангелом; зеркала воды, душой природы). Символика зеркала для Иванова является конструктивным приемом поэтики уже в книге стихов «Кормчие Звезды». Исследователи связывают ее с трансформацией мифопоэтической символики Платона (*Минь, Обатини, 123*). Вместе с тем мотив взаимоотражения возлюбленных друг в друге, присущий Россетти, мог быть источником этого мотива у Иванова.

Поэтический цикл Россетти соотносится с его мистическим живописным триптихом «Паоло и Франческа да Римини» («Paolo and Francesca da Rimini») (1862) (*Treherz, Prettejohn, Becker*, 30). Первая часть триптиха воспроизводит образ слившихся в запретном поцелуе Паоло и Франчески, вторая — Данте и Вергилия, третья — андрогинный образ двух возлюбленных среди языков пламени. Стихотворению Иванова созвучна живописная композиция из триптиха Россетти, где прильнувшие друг к другу возлюбленные изображены в вихре пламени. Андрогинный образ возлюбленных трансформируется в видение полета душ, уносимых вожатым — Эросом в стихотворении «Зеркало Эроса»: «Куда, куда / По сизым грядам, / Пугливый рой / Доверчивых крыл?» (I, 592). Образ летящих крылатых возлюбленных — визуальный символ в поэтическом тексте. Это образ андрогинности как символ зеркала Эроса: «Рука с рукой, / С устами уста...», «Слиты на миг, / Глядя в немую / Вечность очей — / Бессмертную, вечную вечность...» (I, 592).

Мотив воссоединения и полета душ является доминирующим и в сонете «Любовь» Иванова из его книги «Кормчие Звезды»:

Мы — два грозой зажженные стволы,
Два пламени полудночного бора;
Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела.

¹¹ Цит. по переводу В. Савина.

Мы — два коня, чьи держит удила
 Она рука, — одна язвит их шпора;
 Два ока мы единственного взора,
 Мечты одной два трепетных крыла.

Мы — двух теней скорбящая чета
 Над мрамором божественного гроба,
 Где Ареვნя почит Красота.

Единых тайн двуглазные уста,
 Себе самим мы — Сфинкс единый оба.
 Мы — две руки единого креста (I, 610–611).

В переписке Иванова и его жены сохранилось ироническое обыгрывание числового символизма этого сонета: повторение ключевого слова «два» в письме от 17/4 мая 1900 года (*Переписка I*, 659)¹². В книге «Сог Argdens» этот сонет становится магистралом «Венка сонетов», что говорит об его исключительной значимости для развития этой темы¹³. Сонет, безусловно, отсылает к традиции Данте. Показательны, например, переводы Ивановым двух сонетов из «Новой жизни», опубликованные П. Дэвидсон (*Davidson*, 238–239). Один из них имеет числовую символику¹⁴. Вместе с тем ивановский сонет «Любовь» мог иметь своим источником и сонеты Россетти из книги «Дом жизни». В сонете Иванова, как и у Россетти, воплощается тема мистического единения двух высшим божественным третьим. Приведем текст сонета А. Г. Россетти «Severed Selves» («Разделенные Ауши») (*Rossetti*, 107) и сравним с дословным его переводом:

¹² Вяч. Иванов и Зиновьева-Аннибал писала М. М. Замятниной в связи с общим простудным заболеванием: «Жаль, что в сонете только 14 строк полагается; прибавить разве к тому моему сонету, на старинный манер, “хвост” (сoda), в котором заявить, что мы не только два ока, два крыла ....» (*Переписка I*, 659).

¹³ См. его первую публикацию: Иванов 1910.

¹⁴ Протицируем начало сонета, опубликованного П. Дэвидсон:

Любовь и сердце высшее — одно:
 Был прав мудрец, сих слов провозвеститель —
 С Аушой разумной разум разлучить иль?
 Не разлучить и тех двоих равно (*Davidson*, 238).

SEVERED SELVES

РАЗДЕЛЕННЫЕ ДУШИ

Two separate divided silences
 Which, brought together, would find
 loving voice;
 Two glances which together would
 rejoice

In love, now lost like stars beyond dark
 trees;

В любви, теперь затеряны как
 звезды за темными деревьями;

Two hands apart whose touch alone
 gives ease;
 Two bosoms which, heart-shrined with
 mutual flame,
 Would, meeting in one clasp, be made
 the same;
 Two souls, the shores wave-mocked
 of sundering seas
 Such are we now. Ah! May our hope
 forecast

Две разведенные руки, которым
 будет легче от соприкосновения
 Две груди, в которых святыня
 сердца с горящим пламенем,
 Соединились бы мгновенно, стали
 одним;
 Две Ауши, два берега, Аразимые
 бушующим морем: —
 Таковы мы сейчас. О! Пусть наша
 надежда предскажет

Indeed one hour again, when on this
 stream
 Of darkened love once more the light
 shall gleam?

Еще один час, когда на этом потоке

An hour how slow to come, how
 quickly past,
 Which blooms and fades, and only
 leaves at last,
 Faint as shed flowers, the attenuated
 dream.

Как медленно приходит час, как
 быстро проходит, —
 Который цветет и увядает, и только
 в конце-концов листья
 Трепещут, как опавшие цветы,
 как смутные мечты¹⁵.

И сонет «Любовь» Иванова, и сонет Россетти «Разделенные Ауши» отличается числовой символикой. Сонет Иванова — это полемический ответ, концептуально обыгрывающий аналогичную тему, заданную Россетти. Но если Россетти пишет о трагедии «разделенных Ауш», то Иванов отвечает ему визионерным образом платоновского единения.

¹⁵ Благодарю за помощь в переводе сонета Я. А. Малинко и Е. Е. Савинкову. Ср. художественный перевод А. Круглова в кн.: *Поэтический мир*, 109.

Влияние Россетти и Данте могло обусловить и формирование принципов создания воображаемой картины на основе узнаваемых приемов или ассоциаций. Имагинативный образ доступен в духовном зрении, как у Данте, о чем Вяч. Иванов писал в статье «О границах искусства» (1913). Подобный образ может иметь разные формы воплощения: в форме экфрасиса, экфрастической интенции, экфрасиса «в свернутом виде», экфрастического импульса (*Цимборска-Лебода* 2002, 55). Экфрастическая интенция ведет к созданию иллюзионистического образа, то есть образа, существующего в памяти и развиваемого в воображении. Он может быть трансмедийным как вариация одного и того же живописного сюжета или мотива или трансформационным, так как речь идет о трансформации языков одного языка искусства в текст другого¹⁶. Поэту в стихотворении Иванова продолжается развитие ассоциаций, идущих из разных источников. Например, первая часть стихотворения «Зеркало Эроса» — это пейзаж, но он не озерный или речной, как у Россетти, а морской и космический в духе романтиков и «Острова смерти» А. Беклина (утесы смерти, лагерь, ночь кипарисов): «И остров вершинный / Плывет в озареньи — / Эфирный дом / Надежда светлоликих, / Элизий плена» (I, 592).

Мотив соединения и разделения душ показателен для многих сонетов книги «Дом жизни» Россетти, например: «Nuptial Sleep» (Брачный сон), «The Kiss» (Поцелуй), «Love's Lavers» (Влюбленные любви), «The Lovers' Walk» (Прогулка влюбленных), «The Birth-Bond» (Единокровные) и др. Мотив полета становится символом мистического единения. Иванов не передает словами сонет или живопись Россетти, а стремится воссоздать иллюзионистическую картину. Поэту стихотворение «Зеркало Эроса» — текст, созданный как иллюзорное декоративное пространство воображаемой картины. Его отличает метафорический и орнаментальный стиль, наличие зрительных ракурсов, объединенных мотивом соединения душ как преодоления плена земной жизни и смерти. Развитие этого мотива в мифопоэтике Иванова способствует созданию особых пространственно-временных образов (*земля/небо/космос и вечность*) с присутствующими

¹⁶ Подробнее см.: Титаренко 2015.

ему онтологическими характеристиками бытия, открывающимися только в мышлении (*от реального — к реальному*), и числовым символизмом.

Список литературы

- Асоян А. А. Данте и Вяч. Иванов // Асоян А. А. Данте и русская литература. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. С. 121–143.
- Бахтин М. М. Вячеслав Иванов // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 318–328.
- Богомолов Н. А. Вяч. Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагин-Интрада, 2009.
- Брюсов В. Я. К истории символизма // Литературное наследство. М.: Наука, 1937. Т. 27–28. С. 268–274.
- Венгерова З. А. Новые течения в английском искусстве // Вестник Европы. 1895. № 5. С. 192–235.
- Венгерова З. А. Литературные характеристики. Кн. 1. СПб.: Тип. А. Э. Винеке, 1897.
- Венгерова З. А. Поэт-художник. Данте Габриэль Россетти // Новый мир. 1900. № 47. С. 446–447.
- Воронов З. <Венгерова З. А.> Прерафаэлитское движение в Англии // Северный вестник. 1896. № 4. Отд. 1. С. 109–130.
- Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка: 1894–1903. Т. 1–2 / Подг. текста и коммент. Н. А. Богомолова, М. Вахтея, А. О. Солодковой. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Данте Алигьери. Божественная комедия. Ч. 1. А. В пер. русских писателей. СПб., 1897.
- Житкин А. Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А. А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 106–110.
- Иванов 1910. Венок сонетов: Из книги «Любовь и Смерть». Посвящается А. А. Зиновьевой-Аннибал // Аполлон. 1910. № 5 (февраль). С. 65–73.
- Кружков Г. «Мы — двух теней скорбящая чета»: Лондонский эпизод 1899 года по письмам Вяч. Иванова и Л. А. Зиновьевой-Аннибал // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 235–260.
- Минц, Обатнин. Минц З. Г., Обатнин Г. В. Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова: (Сборники «Кормчие звезды»),

- Прозрачность») // *Минц*, 3. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды в 3-х кн. СПб.: Искусство—СПб., 2004. Т. 3. С. 123–128.
- Обатнин 2000** Обатнин Г. В. Иванов-мистик (Окультурные мотивы и поэзия и проза Вяч. Иванова (1907–1919)). М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Обатнин 2002** Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Eurogra Orientalis*. 2002; 2. V. XXI. С. 261–343.
- Познанская** Познанская А. Прерафаэлиты в России // Прерафаэлиты. Викторианский авангард. Из собрания галереи Тейт, коллекция Великобритании и США. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2013. С. 180–187.
- Полонский** Полонский В. В. Русский Данте конца XIX — первой половины XX в.: Опыты реценции и интерпретации классики до и после революционного порога // *Литературоведческий журнал*. 2015. № 37. С. 111–130.
- Поэтический мир** Поэтический мир прерафаэлитов. Новые переводы = The Poetic World of Pre-Raphaelites. New Translations. М.: Цифр книги Рудомино, 2013.
- Россетти** *Россетти А. Г. Дом Жизни = The House of Life: Поэзия, проза [на русск. и англ. яз.] / Пер. с англ.* СПб.: Азбука-классика, 2005.
- Силард** Силард А. Дантов код русского символизма // *Силард А. Герметизм и герменевтика*. СПб., 2002. С. 162–205.
- Соколова 1994** Соколова Н. И. Данте и А. Г. Россети // Англия и Россия: Диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных связей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. С. 130–145.
- Соколова 1995** Соколова Н. И. Творчество А. Г. Россети в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии. М.: Моск. пед. гос. ун.-т, 1995.
- Титаренко 2011** Титаренко С. А. Блок и прерафаэлиты (О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности) // *Александр Блок. Исследования и материалы*. М.: Наука, 2011. <Т. 4>. С. 113–141.
- Титаренко 2015** Титаренко С. А. Русский символизм и традиции английских прерафаэлитов: проблемы интермедийности // *Культура и текст*. 2015. № 5 (23). С. 42–57.
- Проскуракова** Проскуракова М. А. Творчество прерафаэлитов в оценке А. Бенуа // *Eurogra Journal of Social Sciences*. 2012. № 1(17). С. 358–362.
- Топорков** Топорков А. Л. Отзвук Данте в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова // *Память литературного творчества*. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 519–536.
- Ханзен-Леве 1999** Ханзен-Леве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999.
- Ханзен-Леве 2003** Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003.
- Цимборска-Лебода 2002** Цимборска-Лебода М. Экфрасис в творчестве Вяч. Иванова // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума. М.: Изд-во «МИК», 2002. С. 53–70.
- Цимборска-Лебода 2004** Цимборска-Лебода М. Эрос в творчестве Вяч. Иванова: На пути к философии любви. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004.
- Устинова** Устинова В. А. Традиции Плагона и Данте в поэтическом сознании Вячеслава Иванова // *Eurogra Orientalis*. 2002; 2. V. XXI. С. 321–338.
- Шшишкин 1996** Шшишкин А. Б. «Пламенеющее сердце» в поэзии Вяч. Иванова: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 333–352.
- Шшишкин 2011** Шшишкин А. Б. Краткая летопись жизни и творчества Вяч. Иванова. 2011. Эл. ресурс.: <http://www.v-ivanov.it/averoma/letopis.htm> (04.08.2017).
- Davidson** Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989.
- Hueffer** Hueffer F. Memoir of Dante Gabriel Rossetti // Rossetti D. G. Ballads and Sonnets in one volume. Leipzig, 1882. P. 7–24. La vita nuova: (The new life) / by Dante Alighieri; translated and illustrated by photogravures after paintings by *Dante Gabriel Rossetti*; with the fifth canto of Dante's Inferno; [translated by H. W. Longfellow], and Rossetti's two illustrations thereto. London: G. Routledge & Sons [191?].
- Truherz, Prettejohn, Becker** Truherz J., Prettejohn E., Becker E. Dante Gabriel Rossetti. With 190 illustrations, 140 in colour. New York: Thames & Hudson, 2003.